

АЛЬБЕРТ КАРЫШЕВ

ПЕЧНИКИ И КРОВЕЛЬЩИКИ

РАССКАЗ

В избе у нас стоит хорошая русская печка, с широкой лежанкой, просторной топкой, в которой можно париться, как это делалось в деревнях еще не очень и давно: в Великую Отечественную и позднее, — а дрова в ней занимаются огнем живо, весело: поджег завиток бересты, кинул под поленья, сложенные клеткой, — и запылало, загудело, пошло варить щи, картошку и нагревать лежанку.

Требовалось нам с женой Верой Владимировной сложить печь во дворе, для скорой стряпни и заготовки на зиму варенья, маринованных грибов. Искали мы мастера, но, кажется, настоящие печники тут вывелись — не по дням, а по часам выводятся и сами деревни, как прекрасная заповедная дичь, на которую с боевым оружием охотятся с вертолетов браконьеры. Знакомые сообщили, что пара кустарей где-то здесь еще обитает, не особых умельцев, но таких, что некогда держали в руках кирпичи и мастерки, однако из-за полной своей ненадобности эти малоквалифицированные печники, скорее всего, напрочь разучились класть печи. Один из них, с бегающими глазами, средних лет, желтоусый, в резиновых сапогах, с холщовой сумкой на локтевом сгибе, сам возник однажды и предложил свои услуги, но опять вмешались знакомые, посоветовали не связываться. Уж мы с женой решили самостоятельно построить уличную печку. Нашли в земле хорошую

КАРЫШЕВ Альберт Иванович родился в 1936 году в Наро-Фоминске. Окончил мореходную школу в Архангельске и кораблестроительный институт в Ленинграде. Пять лет плавал матросом, потом работал инженером по ремонту атомных лодок. Автор книг прозы “В день Победы”, “Всю жизнь”, “Плач ребёнка”, “В лесу”, “Дурная кровь”, “Пленные немцы в Григорьевске” и других. Член Союза писателей России. Живет во Владимире.

коричневую глину и чистый песок, искали и конского навоза, чтобы укрепить строительный раствор (но какие там кони! Какие лошади! Корова, и та сохранилась в деревне в единственном числе!); предприниматель местный Саша Сергеев дал бесплатно черных жаростойких кирпичей, и вот в начале лета не сведущие в печном строительстве городские люди взялись было за дело, но тут к нам пришли двое небритых молодых мужчин. Они крикнули через изгородь во двор:

— Эй, хозяева! Вы дома?

Потом приблизились к избе и стукнули пальцами в окно.

Мы с женой вышли к ним за пределы усадьбы, на зеленую лужайку, и мужчины попросили у нас займы. Не много им надо, сказали.

— Как же мы вам дадим, — ответил я, — если совсем вас не знаем?

— Отец! Мы русские люди! — заорал, вытаращив глаза, явно младший возрастом, но, судя по его бойкости, главный зачинщик авантюрного похода к нам. — Мы пойдем друг друга! Что я, по-твоему, совесть за рубли продам? Ты меня даже как-то обижаешь!.. Спроси любого — я за речкой живу, — обманул хоть раз Юра кого-нибудь? Меня все знают и уважают! Я дачникам и местным дрова колю, крыши крою, заборы ставлю, траву в огороде могу выкосить! Только свистни, и Юра тут как тут! Валька такой же! Честня-ага! Честнее его не найти! Пусть сам скажет! Только он стесняется! Не стесняйся, Валька!..

Длинный чернявый приятель Юры, весь какой-то изнуренный, с продолжными морщинами на щеках, успел присесть на бревнышки, приготовленные мной для замены в ограде подгнивших опорных столбов. Он был не просто малообщителен, но, по-моему, совсем не умел говорить. Съездившись, запахнув полы мятого пиджака и схватив себя за плечи, Валентин мелко трясся и только мычал.

— Что он трясется? — спросил я.

— Озяб, — ответил Юра.

— Как же он мог озябнуть, если на улице жара, тридцать два градуса в тени? Ты вон весь потный. Рубаха нараспашку. Волосы ко лбу прилипли.

— У него организм такой. Валька мерзнет в жару, а может, чем-нибудь заболел... Ну, давай, отец, решим главный вопрос. Займи полсотни. Через неделю лично я тебе верну. Честное слово! Гадом буду!.. Как тебе еще поклясться? Пусть язвами покроюсь или издохну!.. Никогда Юра совесть не продавал! Каждый подтвердит!..

— М-м-м... — произнес я.

— Ты что, отец, не веришь? — Он развел руками, а лицом выразил полную свою праведность и обиду за то, что я его праведности не замечаю. — Тогда я удивлен! Очень! Не знаю, что сказать! Деньги нужны до зарезу, крайний случай! Может, от полсотни рублей наша с Валькой жизнь зависит!.. Хозяйка твоя вон верит! Правда, хозяйка?

Валентин продолжал мычать и трястись. Вера Владимировна ехидно улыбнулась, а Юрию, наверно, чудилось, будто она смотрит приветливо. Я-то давно усвоил все разновидности улыбок своей жены.

— Ты красивая! — сказал он и подмигнул ей. — Старая, а еще ничего! Глазами-то голубыми так и зыришь, так и играешь! Как конфетки глаза!.. Что ты в нем нашла, в муже своем? Он уродливый по сравнению с тобой! Как это, интересно, у вас получилось, что ты за него вышла? Лучше, что ли, не было?

— Эй, придержи язык! — одернул я его. — Ишь разошелся, петух ободраный!

На петуха Юра похож не был. Невысокий, коренастый, с крепкой шеей, он скорее напоминал дубовый пенек.

— А заревновал, гляди-ка! Заревновал! Не обижайся, отец! Шучу ведь! — Я не успел увернуться, и он хлопнул меня ладонью по спине. — Ладно, не верь!.. Дело твое! Тогда купи у меня кровельные гвозди! Вот, ровно два кило! Отдам задешево!

Тугой мешочек висел у него на плече. Юра показал мне мешочек и пощупал гвозди.

— Гвозди нам не нужны, — ответил я. — У самих запас. Хотим крышу рубероидом перекрыть, а то кое-где протекает, старая. Вот и купили все заранее, и гвоздей достаточно, и рубероида десять штук.

— Крышу? Рубероидом? — Он даже припрыгнул немного. — Что же ты, отец, сразу не сказал? С этого надо было начинать! Это ж наш с Валькой хлеб! Основная работа! Так перекроем вам с хозяйкой крышу, что ахнете, закачаетесь! Других не зовите! Неизвестно, что будут за люди, может, жулики! А мы — вот они, перед вами! Душа нараспапку! Очень вам повезло!.. Ну, пошли, показывайте! Все сейчас обсудим, а завтра с утра начнем!..

— Чинить крышу — у нас пока на втором плане, — сказал я. — А в первую голову надо печку во дворе сложить. Уже земляники в лесу полно. Пока вот солнце жарит, а как зарядят дожди, грибы во множестве нарастут. Надо будет варить то и другое. В русской печке ягоды и грибы варить затруднительно. Нужна уличная. С ней вообще удобно.

— Уличная печка? — опять заорал Юра. — Ну, ты, отец, даешь! О самом главном молчишь! Печки складывать — для нас еще главное, чем крыши крыть! На крыше пару дней просидишь, а печку во дворе мы слепим за пять часов! Такую отгрохаем — залобуетесь! Друзей кликните смотреть! Глина нужна, песок, цемент!.. Нет, говоришь, цемента? Чего-нибудь такого добавим!.. Место, хозяева, заранее выберете! Потом за крышу возьмемся! По рукам? Ну, до завтра. Просим выдать небольшой аванс!

— С какой стати мы должны платить вам вперед? — произнесла Вера Владимировна хорошо поставленным учительским голосом. — Выполните работу и получите все сполна.

Уже расхвалив мою жену, Юра отступить от своих слов не мог. И вообще он заметно преклонялся перед такой величавой дамой, волевой, благородно поседелой, культурной. Неожиданно болтун сробел. Красноречие его побавилось. Со мной-то, человеком посредственных манер, чернорабочей внешности и дурного произношения (к старости пошли ломаться зубы), он говорил запросто, а перед хозяйкой стих, съезился.

— Уступил, господа! — заканючил он. — Выдай аванс! За нами дело не станет! Все выполним, как надо, не подведем! Не можешь дать полсотни, дай тридцать рублей!

— С какой стати? — повторила Вера Владимировна.

— Ну двадцать! Ну, хоть десять!

— Нет. До окончания работы — ни копейки.

— Строгая ты больно! Принципиальная!.. Надо нам, понимаешь?

— А мне-то какое дело? Были бы вы нищие, голодные, я бы вам пода-ла, обедом накормила. На вид вы вполне сытые, гораздо упитаннее моего мужа. Гвозди вот продаете. Есть, значит, на что жить.

— Подожди, — вмешался я. — Ведь неплохие ребята. Зачем обижать их недоверием? Жулики разве так себя ведут?.. А эти, сразу видно, искренние, простые. Посмотри, какие у Юрия честные глаза. Тут все дело в глазах, милая. С такими глазами человек не может обмануть. Давай уважим. Придут отработают.

— Я бы не уважила, — сказала Вера.

— По-моему, все-таки надо уважить. Душа у людей горит. Бывают такие обстоятельства...

— Ты хозяин, тебе решать.

Сдалась жена, я видел, лишь потому, что не захотела уронить честь мужа.

Я зашел в избу, вынес пятьдесят рублей и отдал Юре. Поблагодарив меня с непосредственной детской улыбкой и со смущением, которое особенно расположило меня к просителю, горячо пожав и встряхнув мою руку, он сказал Вере Владимировне:

— Вот твой муж — он понял! Нужно доверять людям! — И, уже пятаясь, позвал Валентина, а нам еще приветливо махнул издали рукой, крикнув: — Пока! Завтра будем ставить печку! Ждите!

Валентин встал с бревнышек и поплелся за товарищем. Он так и не вымолвил ни слова, но, определенно, согрелся, повеселел. Больше мы ни того,

ни другого не видели. Сколько лет минуло, а о Юрии и Валентине ни слуху, ни духу. Наверно, бегают от кредиторов.

* * *

Друзья-соседи, тоже городские люди, посмеялись над нами и сообщили, что Юрий с Валентином — известные в этих краях пройдохи. Они шляются без дела по весям и облапошивают легковверных дачников. (Почему-то некоторые селяне считают, будто все дачники — богачи).

— Они сперва у нас побывали, да мы их выгнали, — сказали друзья. — Знаем, что за райские птицы, надули как-то раз.

— Сами-то что же следом за ними к нам не пришли, отвести еще одно надувательство? Не поняли, куда они направляются? — спросили мы с женой.

— Поняли. Видели, — последовал чудной ответ, веселый, разумеется. — Но захотелось услышать, что и вы потерпели убыток, а потом взглянуть на ваши физиономии. Почему одним нам должно быть плохо?..

Вознегодовали мы, конечно, помысли кости пройдохам; но нужно было выполнить задуманное, построить уличную печь.

Вера Владимировна по каким-то хлопотам уехала в город. Я захотел приготовить ей сюрприз и пошел по нашей большой деревне, спрашивая у всех подряд, не знает ли тут кто-нибудь хорошего печника. Встретилась мне крестьянка Портнова, старая, натруженная тяжелой работой и, как утица, переваливающаяся на ходу. Она вспомнила, что знает одного мастера. Он из соседней деревни, но здесь гостит часто, ездит или ходит пешком к родственникам и друзьям. Крестьянка сказала, что зовут печника Шестеркиным Николаем Ивановичем, и подробно обрисовала мне его.

— О-о-чень хороший специалист! — добавила она. — Многим тут печи клал, и председателю совхоза, бывало, и директору школы, всем, кто позовет, и мне вот тоже...

— Сильно пьющий?

— Господь с тобой! — Крестьянка махнула на меня тяжелой бурой рукой с узором из вспухших вен. — Совсем не пьет. Раньше, правда, пил за поями, а сейчас в рот не берет, язва у него.

— Прекрасно! — сказал я и, расставшись с Портновой, стал искать Шестеркина.

Дня через два я встретил его утром в магазине. Очередь тут к прилавку обычно невелика, но тянется долго: местные жители и дачники любят побеседовать о жизни с продавщицей Галей и друг с другом (старики вообще устраиваются по-домашнему, есть в магазинчике несколько стульев). Заговорил и я с соседом, стоявшим передо мной. Обратив внимание на тщедушного маленького старичка, подходящего под описание Шестеркина, я наклонился к его уху и тихо поинтересовался:

— Скажите, пожалуйста, вы печник?

— Печник, — ответил он через плечо. — А что?

— Николай Иванович Шестеркин?

— Он самый.

— Очень рад, — сказал я, — что вас встретил. Вы-то мне и нужны, просто необходимы.

— Ну, раз нужен, выкладывайте, зачем я понадобился.

Шестеркин повернулся в очереди, и я увидел сухое, морщинистое, хорошо выбритое личико, хитроватые глаза с жидкими ресницами. Одет печник был опрятно: в серый хлопчатобумажный костюм с полосками, вытершийся, правда, и потускневший. Такие дешевые костюмы, носимые, главным образом, деревенскими интеллигентами, раньше продавались в сельпо — сельских кооперативных магазинах. Под пиджаком у Шестеркина поверх чистой рубашки висел узкий черный галстучек, на голове глубоко сидела тонкая летняя шляпа с дырочками.

— Да печку мне надо поставить во дворе, — объяснил я. — Говорят, вы очень хороший специалист. Не возьметесь ли?

— А кто говорит, что я хороший?

— Многие. Портнова Варвара Алексеевна... И другие.

— Так оно и есть, — согласился Шестеркин. — Кроме меня-то кто у нас в округе еще печники? Климов с Александровым, что ли? Это не работники, а так себе, шалопуты. Плиту кухонную и то сложить как следует не могут, а уж голландки ихние, тем паче русские печки только дрова жрут и дым в избу пускают... Значит, вам во дворе надо?.. А вы, уважаемый, кто?

Я назвался, рассказал, где живу, и попросил его, если можно, начать строить печь сегодня. К возвращению жены хочется успеть, говорю, сюрприз приятный ей готовлю.

— Там поглядим, подумаем, — сказал Шестеркин. — Прикинем свои возможности. Сегодня у меня все одно не получится, другие есть дела. А завтра, может, зайду. Вы на всякий случай подготовьтесь.

— Стало быть, можно надеяться, Николай Иванович?

— Ладно, надейтесь. Я поднимаюсь рано. Будильник заводите на шесть часов...

Ровно в семь он явился ко мне и на высоком пристрое крыльца выложил из облезлого чемоданчика синюю робу, железный складной метр, ватерпас, мастерок, ручник и гирику на шнурке — отвес. Войдя в сени, печник снял с себя дырчатую шляпу, парадный костюм, у которого лацканы пиджака завернулись, как сухие листья, а брюки давно утратили складки, снял галстук, рубашку и все развесил на настенных крючках рядом с нашими плащами и телогрейками. Надев рабочие штаны и куртку с хлястиком, испачканные известью и краской разных цветов, натянув на лысую голову старую кепку, он глянул на меня с прищуром, как портретный Ленин, и сказал:

— Ну-с, приступим.

— Может, сперва чайку? — спросил я. — У меня все готово.

— Нет, допрежь поглядим, покумекаем. Торопись, как говорится, не спеша, тогда дело лучше идет...

Мы пошли во двор. Место для печки я наметил за пределами огорода: ровный участок между сиреневыми и терновыми кустами, недалеко от бокового прохода в заваливающемся частоколе (тоже надо было поправлять). Я даже заранее обозначил штыком лопаты прямоугольник небольших свободных размеров — проекцию плиты, — а потом сершиком срезал на нем вихры перистой травы, оболванил строительный участок “под Котовского”. Посмотрев на мои труды, печник одобрительно хмыкнул.

— Годится. Тут и сложим печурку.

— Давайте схожу за инструментом.

Я уже чувствовал себя подсобным рабочим, готовым прислуживать мастеру, быть у него на побегушках.

Шестеркин отмахнулся.

— Успеем за дела взяться. Пошли в избу. Посидим, сосредоточимся.

В избе я сказал:

— Чудесно. Чаю поьем. Я ведь еще и не завтракал.

Он ответил:

— Нет — чай после. Для начала грамм по сто неплохо было бы опрокинуть, промочить горло. У меня такое правило. Ставьте, Вениамин, на стол бутылку, а чайник и чашки пока убирайте. Выьем по пять капель, покурим и засучим рукава. Редиска, я видел, у вас на грядках хорошая растет, дайте ее на закуску, с маслом. Лучку еще зеленого нарвите. Можно и чесноку по перышку.

Конечно, я оторопел, вспомнив решительное заявление крестьянки Портновой о великой, святой трезвости Николая Ивановича, о его язве. Хотел спросить Шестеркина про язву, но подумал, что разговор у нас с ним заведется бесполезный и бессмысленный. Разозлился я на печника и сгоряча едва его не прогнал, однако взял себя в руки и лишь затаил ответ. “Может, шутит старичок? — подумалось мне. — Испытывает на прочность?” А он глянул притодушно и смягчил свое условие:

— Ну, ежели нет бутылки, то ладно, ничего. Можно и так. После кушим. Работа, конечно, толком не пойдет, но уж не обессудьте...

— Почему? — Я вроде даже обиделся на Шестеркина за уступку с его стороны, как бы скидку на бедность. — Водка у меня есть. Купил для лечебных целей. Если хотите выпить, извольте. Посидим вместе. Только как это отразится на работе? Не заперем мы печку?

— Никогда! — сказал он. — У меня, как выпью, глаз становится острее и рука тверже. Не сомневайтесь, Вениамин.

— Добро, — сказал я суховаго. — Пейте, раз у вас потребность и правило. Почему только вы зовете меня Вениамином? Кажется, я представлялся Альбертом.

— А! Прошу извинения, вылетело из головы! Буду называть Альбертом! У меня на имена память плохая...

Я наскоро приготовил холодную закуску: салат с картошкой, зеленым луком, чесноком и укропом, а отдельно порезал редиску. Молча выпили по стопке, крикнули, заели и остановились. Шестеркин повел себя достойно. Когда я собрался налить ему вторую стопку, он прикрыл ее ладонью.

— Все, Альберт. Баста. Пей, а дело разумеи. Это у меня тоже правило.

Отказался он пока и от чая, попил ключевой воды из ведра в сених и сел на дощатую ступеньку крыльца, а я примостился рядом. Неторопливо выкурил пачку сигареты, почему-то внимательно поглядывая сбоку на меня, некурящего, встал и опять натянул на голову кепку. Захватив инструмент, мы пошли работать, и кладка уличной печки запомнилась мне на всю жизнь.

По указанию Шестеркина я взял лопату и часть заготовленной подсохшей глины переложил из помятого стирального бака в поржавевшую бадью. Залив глину водой и засыпав песком, я палкой замесил раствор, разбил в нем все комки и удостоился похвалы мастера.

— Эх, жаль, цемента нет! — сокрушался печник. — Или хотя бы навоза!

Он велел подать ему несколько плоских белых камней. Эти камни, известняк, ежегодной слой за слоем поднимаются у нас в огороде из глубины земли к поверхности, и, перекапывая грядки, я усердно работаю не только лопатой, но и ломиком. Я притащил несколько разновеликих плит, сложенных на всякий случай у сарая (грядки обнести для удержания влаги, или вот — для строительных целей); Шестеркин положил известняк в основание печки и постучал по плитам ручником, выверая “горизонт” с помощью ватерпаса. Потом я подавал ему кирпичи, а он обмазывал их раствором и пригонял один к другому по намеченному прямоугольнику. Солнце, поднявшееся из-за леса, выплывало на простор чистого неба. День разгорался жаркий. Нынче в начале лета (еще сирень и терновник у нас в усадьбе не совсем отцвели) была засуха, и расплодились комары с мошками, черными тучами витали над нашими головами и все сильнее кусались. Шестеркин мало обращал внимания на кровососов, работал спокойно, добросовестно, и я любовался тем, как он шустро действовал маленькими руками в защитных рукавицах, иногда тихонько напевая озорные частушки.

С час потрудившись, он убил комара на лбу, положил на возводимую кирпичную стену мастерок, рукавицы и объявил:

— Перекур! Хлопнем еще по черёпке, а тогда и продолжим с новыми силами!

Мог ли я, когда дело всю развернулось, сказать ему: “Не надо бы “хлопать”-то, ни к чему. Пользы все равно не будет, только вред”? Я ведь и сам уже прошттрафился: вместе с Шестеркиным почал бутылку и тем поспособствовал коллективному пьянству на работе.

Мы с ним опять выпили, и теперь Николай Иванович спросил крепкого чаю. Посмаковав его с конфеткой, он закурил в избе при закрытых дверях, так как снаружи все настырнее досаждали комары и мошки. Немало их залетело и в комнату.

— Вы, Альберт, из каких слоев будете? — спросил он сквозь воткнутую в рот сигарету, которую придерживал между вытянутыми пальцами. — Из буржуазных? Небось, начальником работали?

Я ответил, что начальником никогда не был и не собирался быть — это не мое. Хороших начальников люблю, среди них есть у меня друзья, но сам не тратил жизнь на то, чтобы выбиться в начальники.

— На что же вы ее тратили, жизнь свою?

— На то, что интересно было мне. По морям плавал, корабли строил. В качестве не начальника, а рядового.

— А! Но все же вы человек простой, сразу видно. Слышал, будто книжки пишете. Правда ли?

— Ну... кое-что пишу. Пописываю.

— Вот видите. А говорите — из рядовых. Лукавите, значит.

В его представлении, я понял, писатель был сродни директору завода, губернатору, депутату Госдумы. Я не стал разубеждать его в этом и убеждать в том, что я — самый что ни на есть простой человек. Решил, что не смогу толком объяснить.

— И о чем же таким вы пишете? — спросил Шестеркин, скосив на меня хитрый зеленоватый глаз, притуманенный дымком от сигареты. — Выдумываете или из гущи жизни?

— Из гущи, — ответил я. — Из недр. Из бездны.

— Салтыкова-Щедрина все одно не переплюнете, — сказал он. — Михаила-то Евграфовича.

Мне хотелось узнать, почему не переплюну именно Салтыкова-Щедрина, а, к примеру, не Достоевского, но печник заговорил уже о другом, в застолье — о главном. Он взял бутылку со стола и, взболтнув остатки содержимого на фоне солнечного окна, произнес:

— Осталось там еще. Не высохло.

— Может, картошки сварить? — спросил я.

— Обойдемся. Лучок, чесночок, хлебушек есть, ну, и ладно.

Вернулись во двор. Печник помахивал мастерком, пристукивал деревянной рукояткой по кирпичам, и они послушно ложились один на другой, а лишнюю кашку глинистого раствора, выступавшую меж кирпичами, Шестеркин экономно соскребал и стряхивал в ведро. Кирпичей оказалось недостаточно. Я спускался под гору к дому Сергеевых и по договоренности с другом-предпринимателем брал его кирпичи, вынесенные за изгородь. Черные жаростойкие, они были крупнее и тяжелее обыкновенных красных, не встречавшихся в штабеле. Одежда моя и рукавицы трескали от кирпичей. Старые кости и мускулы болели. С парой штук в руках, на плечах или под мышками я едва входил в крутую гору, принятое внутрь спиртное вытекало через поры моего тела, разогретого солнцем и трудовым напряжением. Снял с себя мокрую от пота рубаху, остался по пояс голый. Боялся, замучит гнус, но, видно, опьянение действительно обезболивает, и от укусов комарья и мошкар я не очень чесался. Волосы мои слиплись под дырявым беретом, проеденным молью еще в городе; испарина капала на глаза, они разъедались солью и ослеплялись мельтешением в них радужных пятнышек...

На новый передых я двинулся мелкими зигзагами, рывками. А Николай Иванович — ничего, каким был, таким, кажется, и остался, загорел только до глянца, закоптился на неистовом солнце, как окорок. Он умылся в сумеречных прохладных сенях из рукомойника и, не теряя минуты, пошел к столу. Мы с ним выпили по третьему разу и, закусив, по четвертому, прикончили бутылку. Куря, Шестеркин кивком указал на мое обнаженное тело.

— Колдун вы, что ли, какой-нибудь, что комары и мошки вас не заедают? Я вот вроде терпеливый, а и то почесываюсь иногда сильно.

— Гнус не выносит алкогольного духа и вкуса разбавленной спиртом крови, — ответил я припухшим языком. — В вашем организме водка из желудка поступает в мочевой пузырь, а в моем перемешивается с кровью и частично выходит с потом. Одни комары и мошки, усевшись на меня, засыпают, другие окоचуриваются. Пол вокруг моей табуретки замусорен кровососами.

Шестеркин засмеялся и сказал:

— А вы веселый. Это хорошо. Я тоже не унываю. Плакать хочется, а все одно смеюсь. В детстве я очень шавутной был, первый озорник в деревне, коноводил мальчишками, любил подрасть. Как вырос, дрался часто, даже в тюрьме за драку сидел. Не гляди, что ростом мал, а если заеду в ухо, на ногах не устоишь! Приварю так приварю! Не обрадуешься!..

Глянув на его жидкую комплекцию, тощую грудь, на пусть трудовые, но тонкие руки с небольшими кулачками (печник показал мне крепко сжатый кулачок), я все же усомнился в способности Шестеркина к рукопашному бою. Однако кто его знает, подумал. Бывает, говоришь о задиристом мужичке: сморчок, доходяга, соплей перешибешь, — а он вдруг, как схватишься с ним для умирения, сделает тебя одной левой, и нос в кровь расшибет, и на землю свалит.

— А поди ж ты, — заключил Николай Иванович свои воспоминания и приосанился, — вырос неплохим человеком, стал известным печником... Вы вот что, друг любезный, пока я тут курю, сбегали бы в магазин, взяли еще бутылку.

— Ни за что! — крикнул я и шлепнул ладонью по столу.

Он глянул в мои окосевшие глаза с некоторым недоумением, но настаивать не стал...

Туловище печки увеличивалось, оформлялось, и скоро Шестеркин перекрыл топку чугунной плитой с конфорками, завалившейся в нашем с женой сарае, а потом взялся возводить трубу. Мне казалось, будто два печника-близнеца одновременно и согласованно кладут две одинаковые печи, и по паре кирпичей я видел в каждой своей руке, хотя, как прежде, брал в руку из штабеля по одному, и различал я две тропинки вместо одной, пока корячился с грузом в гору. И щурился, и глаз замуривал, чтобы восстановить фокус зрения, но все двоилось передо мной, и меня покачивало из стороны в сторону.

Теперь Николай Иванович со мной не заговаривал. Печники-близнецы сурово молчали. Я видел, что Шестеркин обиделся на меня. Строя дымоход, он старательно мерил веревкой с гирькой отвесность трубы и через плечо жестами показывал: “Кирпич! Раствор!” Он то отходил от трубы и рассматривал ее издали, то вставал на сосновую колоду ногами в маломерных стоптанных полуботинках, вытягивался на цыпочках и снова использовал отвес. При этом что-то бормотал недовольно, не обращая на меня внимания.

— По-моему, высоковата, — сказал я, закрыв один глаз пальцем и утаиваясь на трубу.

И тут он заговорил с достоинством, но миролюбиво, даже с едва уловимым юмором:

— Не суетитесь. Все будет путем. Еще вспомните Шестеркина, как затопите мою печку. И пожалееете, что не выпили со мной посошок...

Заканчивали мы работу к вечеру, сумерки уже спускались. Над белым цветником терновника и фиолетовым букетом разросшейся вдоль плетня сирени, на фоне темнеющего неба кружили майские жуки. Все вокруг застыло в безветрии. Комары с мошками кусались совсем беспощадно, и Шестеркин чаще хлопал себя по лбу, щеке, шее. Он уже навесил на печку железную дверцу с накидной запирающей и сейчас подкреплял трубу тонкой стальной проволокой, примазывая ее раствором к кирпичам по высоте дымохода (все нашлось в нашем сарае, захламленном разными деревяшками и железками). Наконец печник снял рукавицы и протянул мне руку для пожатия.

— Ну вот, Василий, — произнес он. — Шабаш. Пользуйтесь, топите, жарьте, варите, а за работу денежки гоните.

Я поскорее с ним расплатился договорной суммой, проводил Шестеркина до тропинки, сбегającej с косогора, и, зайдя в избу, тут же лег спать — очень уж устал за день, еле ноги держали.

Но на следующий день Николай Иванович пришел снова, в том же парадном виде: в костюме, шляпе и при галстукe. Он помялся передо мной на крыльце и заговорил, глядя в пол, морщась от стеснения:

— Я извиняюсь... Работа, сами видели, какая. С раннего утра до позднего вечера вкалывал; и солнце жарило, и мошкара кусала. И кирпичи эти огнеупорные... Руки и ноги до сих пор от них гудят. Жена опять же заболела, лежит, я за ней ухаживаю... Может, прибавите?

— Что? — спросил я, туговато соображая после выпитого вчера.

— Ну, за работу. На лекарства для жены. Я с вас взял недорого.

— Сколько еще надо?

— Неплохо бы прибавить столько же, уважаемый. Извините, конечно.

— Ладно.

Я позвал его за собой, но он остался на крыльце покурить. Взяв дополнительную плату и спрятав в кошелек, Шестеркин посветлел, разулыбался. Он вынул из кармана спираль для электроплитки и предложил мне:

— Может, купите? Вольфрамовая, сто лет не перегорит.

— Спираль мне вроде ни к чему. У меня есть.

— Да берите. Что раздумываете? Все равно нигде такую больше не купите.

— Один мастеровой заходил — гвозди старался нам с женой всучить, вы вот — спираль, — произнес я уже откровенно кисло. — Хорошо, давайте...

И, не торгуясь, купил, чтобы поскорее отделаться от печника.

— У меня еще одна к вам просьба, — сказал он.

— Ну?

— Подарили бы мне свою книжку на память, а? Сделайте одолжение. И что-нибудь хорошее на книжке напишите.

Эту его просьбу я тоже удовлетворил, оставив на титульном листе моей книги такие душевные слова: “Николаю Ивановичу Шестеркину, замечательному человеку, мастеру с золотыми руками”. Печник прослезился, обнял меня и трижды поцеловал. Насвистывая, он пошел вдаль, а я к новой печке — оглядеть ее при свете утра. Да и прибраться следовало, унести от печки все лишнее, вымести мусор.

Она еще не просохла, наша мечта, всюду на кирпичах видны были влажные глинистые разводы, вихребразные, как грозовые облака. Но сегодня изделие Шестеркина выглядело каким-то не очень lepым, даже пожалуй, нелепым вовсе: плита просторная и приземистая, словно старинный сундук, а труба несоразмерно узкая и длинная — все вместе это напоминало гуся, вытянувшего шею, задравшего голову, разглядывающего небо. “Такой подарок жене может не понравиться, — подумал я. — К тому же переплачено за него вдвое, а до пенсии еще долго, денег кот наплакал. Но главное, я сам виноват: оказался не к месту покладист. Хоть бы не узнала хозяйка моя, что клали мы печку выпивши”.

Еще через день Вера Владимировна вернулась. Увидев печку, она восхищенно ойкнула и всплеснула руками, горячо меня поблагодарила и похвалила. Ничего, кроме выражения удовольствия, я в ее поведении не заметил; но позже выяснилось, что печка хозяйке сразу не пришлась по душе, просто деликатная женщина скрыла разочарование. Когда же я впервые затопил печь, то языки пламени направились не под конфорки, а в трубу, навывлет. Исходя дымом, труба по ветру сыпала искрами, а значит, с одной стороны, кпд печки равнялся нулю, с другой же стороны, печка была пожароопасна. Чтобы скрыть от жены полную несостоятельность уличного очага (потом-то, и довольно скоро, Вера Владимировна сама все поняла), я стал топить печку фигурным способом. В конце топки, ближе к дымоходу я укладывал сырые дровишки, и лишь только они кое-как принимались чадить и дым от них улетал в трубу, я топил переднюю часть печки сухими поленьями. Огню тут ничего не оставалось, как только греть днища кастрюль, поставленных на конфорки. Дров требовалось вдвое больше, зато выход был найден. Из мелких изъянов печки упомяну дефект запорного устройства дверцы. Его железная накидная полоса не дотягивалась до гнезда. А вчера, казалось, дотягивалась. Делать нечего, стали закрывать дверцу подпирать палкой.

Первый же обильный дождь облагородил нашу печку, смахнул с кирпичей глинистые разводы. А заодно напористый дождик проник в щели между кирпичами и на глубину проникновения вымыл соединительный раствор. Тут, конечно, вины Шестеркина не было — какой дали ему материал, таким и пользовался. Чтобы печка не разрушилась, пришлось нам с Верой Владимировной срочно замешивать новый раствор, более вязкий, с соломой, и вмазывать его в щели. Потом я взял в своем хозяйстве четыре высоких столбика, врыл их в землю около печки и построил над очагом покатый навес, пропустив сквозь крышу дымовую трубу. Вид у печки стал совсем пристойный.

Постепенно мы привыкли к ее капризам, научились на ней варить. Но вот в гости к нам приехала сестра моей жены Нина. Она родилась на Полтавщине и долгие годы прожила в большом украинском селе, где в каждом дворе стояла выбеленная известью печка. Нина знала в печках толк и сама умела их класть. Она решила побаловать нас украинским борщом, кинулась к уличной печке и встала перед ней, разинув рот.

— Який дурень зробив ее? — воскликнула темноокая красавица запенсионного возраста. — Зроду не бачила такую уродину!

И закатилась смехом, хватаясь за живот.

Пока Нина смеялась, мне почему-то пришла на ум моя надпись на собственной книге, которую я вручил Шестеркину.

Все-таки гостя взялась топить печку, но вскоре на нее разозлилась и выгребла жар на землю. Подобрав несколько кирпичей, Нина уложила их на дно топки каким-то особым образом. Печка заработала лучше и сносно варит до сих пор.

Спираль для электроплитки, проданная мне Шестеркиным, была, конечно, не из вольфрама. Вольфрам стоит дорого, из него делают волоски для ламп накаливания, и я сразу смекнул, что спираль — обыкновенная, стальная, однако вот купил. Ее сплав вообще оказался невысокой марки, и спираль быстро перегорела. Хотел я при случае заговорить с Николаем Ивановичем про спираль и печку — выразить протест, — но передумал. Да и видел я его потом всего лишь раз, мельком. Я выходил из магазина, а печник заходил в магазин, и я было устремился к старому знакомому, но он глянул на меня отчужденно, холодно и произнес:

— Уважаемый, не подскажите, сколько времени?

Тогда я ответил ему тоже как чужому и расстался с Шестеркиным навсегда.

* * *

Дошла очередь и до починки крыши. Все у нас, значит, было наготове: рубероид, стальная лента, гвозди и две самодельные лестницы: обыкновенная — чтобы подниматься с земли, — и с загибом, при помощи которого кровельная лесенка цепляется за конек и удерживает работника на скате. Снова безуспешно искали мастеров, а потом к нам самолично явились двое, не те, прежние, умыкнувшие у нас полсотни, а другие: один рыжеватый, долговязый, жилистый, второй тоже жилистый, но худее и ростом поменьше. У того, что ростом меньше, была продолговатая голова, а уши стояли торчком. Первого звали Павлом, второго Анатолием, но Павел, старшой, часто именовал Анатолия Чебурашкой — из-за торчащих ушей, надо полагать. Представились они так, эти молодые бойкие мужчины: Пашка и Чебурашка. Узнали, что нам надо перекрыть крышу, и, не спрашивая авансов, соглашаясь на все наши условия, стали готовиться к работе.

Я вынес из сарая рулон кровельного материала, коробку с гвоздями и стальную ленту, свернутую спиралью, а Павел с Чебурашкой достали из своей походной сумки острый нож, молотки и большие ножницы. Старшой с земли посмотрел на крышу и, посчитав на ней полоски рубероида, прикинул, сколько штук его понадобится. Я сказал, что всякого материала для починки кровли у нас куплено достаточно, пусть работники не беспокоятся. Павел взобрался на верхнюю лестницу и сел у конька крыши, Анатолий же встал на нижнюю, возвысившись над стрехой. Один подал рулон наверх, другой распустил его, подтянул и выровнял концы по обеим скатам. И пошла работа: где требовалось, подрезали рубероид ножом или ножницами, перекрывали швы стальной лентой и стучали молотками, вколачивая гвозди. Радостно было на душе от этого деловитого перестука, разносившегося окрест. Стлали новый рубероид поверх старого — так лучше закроются щели и крыша не будет протекать. Я тоже с большой охотой что-то делал: подносил рулоны, придерживал наземную лестницу и по краям стальной ленты заранее пробивал дырки под гвозди, укладывая ленту на деревянную плаш-

ку — Павел мне объяснил, на каком расстоянии друг от друга нужно пробивать.

Погода опять стояла солнечная. Птички, полетав над нашим двором, прятались от зноя и яркого света в кустах, окружающих усадьбу, покачивая ветки, чирикали. Дело спорилось. Полуголые загорелые кровельщики весело глядели из-под козырьков кепок, пошучивали меж собой на крыше. Мы с женой были довольны ими; но хозяйка иногда строго отчитывала Павла и Анатолия за крепкий мат. Особенно громко и образно выражался старшой, который, разоидясь, стал гонять помощника, как раба: “Чебурашка, подай! Чебурашка, принеси! Чебурашка, что ты там копаешься?” Чебурашка-Анатолий оказался человеком покорным. Суетливо выполнял команды старшого, он, правда, обижался в ответ, но из уст его ясно слышалась одна ненормативная лексика. Вера Владимировна обоим грозила пальчиком, но вот за полдень она всех позвала обедать.

Сели за стол в избе. Обнаженные плечи кровельщики прикрыли рубахами. Обед состоял из трех блюд: помидорно-огуречного салата, украинского борща и картошки, поджаренной на свином сале (уличная печка обед готовила, хозяйка старалась хорошенько накормить работников). Предполагался еще чай с вареньем и сушками. Павел и Анатолий втянули носами съестные запахи, отбили пальцами на груди какие-то ритмы, облизнулись на салат, сдобренный луком, чесноком, сметаной, и старшой заговорил с просительной улыбкой:

— Налила бы, хозяйюшка, по стопке, а? Больно закуска хороша. Под такую грех не выпить. Зря пропадет, когда просто так съедим. А если нет у тебя, давай мы в магазин сбегает.

— Ага, налей, — подкакнул Анатолий, заглядывая моей жене в глаза и ослабляясь угодливо. — Сухая-то ложка, сама знаешь, рот дерет. Мы только по одной и — шабаш.

— Нет, ешьте без выпивки, — сказала Вера Владимировна. — Вы на работе, а не на отдыхе.

— Без выпивки у нас не пойдет. Лучше мы совсем есть не будем.

— Хорошо, давайте налью компота из сухофруктов.

— Компот — не то. Это для детей и женщин.

— Ну что за чепуха?.. Очень уж вы, мужчины, набаловались. Кое-что у меня, конечно, имеется, — честно призналась Вера. — Запаслась на случай, если будете хорошо себя вести и достойно окончите работу. Сейчас мне не хотелось бы угощать вас спиртным. Неизвестно, что из этого выйдет. А нам надо, чтобы сегодня же крыша была перекрыта. Без нее дел полно. Вот закончите — тогда...

— Сегодня же и перекроем! Все выйдет, как надо! — живее заговорил Павел, торопясь поймать жар-птицу за крыло, склонить хозяйку к согласию. — Не сомневайся! Считай, половину сделали. Хорошо мы себя, скажи, ведем?

— Пока хорошо. — Жена старалась подпустить строгости в голос и выражение лица.

— Вот! Так и дальше будем! Ничего от стопки с нами не произойдет! У нас иммунитет! Наливай, не бойся!

— Нам ведро надо выпить, чтобы офонареть, — сказал Чебурашка. — После одной-то стопки поедем как следует да лучше заработаем — и все. Проверено.

— Напрасно, мальчики, хвастаете, что способны много выпить. Ничего хорошего в этом нет. Нашли чем хвастать!

— Это к слову так говорится, — опять сказал Чебурашка и тревожно хихикнул, поймав свирепый взгляд старшого. Во взгляде Павла, направленном на Анатолия, я прочел: “Что же ты, гад, коммерцию мне портишь? Я тут из кожи лезу, выпивку тебе и себе пробиваю, а ты хозяйку злишь!”

— Не знаю, право... Вы оба такие славные. Я вам поверила...

— И ты нам очень нравишься, — сказал Чебурашка и тем оправдался перед своим командиром.

— Но все же я боюсь, ребята. Ведь на крыше работаете. А если свалитесь?..

Я видел, что Вера Владимировна колеблется, смягчается по доброте душевной. Жена молча посоветовалась со мной, и я кивнул.

— Налей, — говорю. — Что уж там. Но не больше чем по стопке. Я тоже выпью с ребятами за компанью. В самом деле, стопка водки здоровому мужчине не повредит. Это и врачи утверждают.

Веселый у нас получился обед, оживленный. После выпивки говорливости у всех прибавилось. Шутили, рассказывали анекдоты, смеялись. Кровельщики с юмором вспоминали, как некогда служили в армии: Анатолий на Чукотке в погранвойсках, а Павел на ракетном полигоне под Архангельском. Тот и другой были сержантами, отличниками боевой и политической подготовки. Я очень зауважал их за послужной список.

Из-за стола все вышли друзьями, поговорили даже о том, чтобы дальше встречаться. Покурив, кровельщики снова забрались на крышу. Они трудились усерднее прежнего, только чаще отдыхали — с утра, конечно, поднакопили усталости. Перешли на противоположный скат, не видимый со двора. С этой стороны избы, в полдень затененной, густо разрослась крапива, к стене вплотную подступили кусты терновника, и я думал, что колючие упругие ветки и крапива помешают работникам переносить с места на место наземную лестницу, надежно устанавливать ее и согласовывать действия. Но Чебурашка — в рубахе теперь, чтобы не обжечься и не поцарапаться, — расчищая место, придавливал крапиву сапогами, отводил ветки за лестницу, цеплял одну за другую, и я убеждался, что все у кровельщиков хорошо ладилось. Делать мне возле них стало нечего, и я ушел во двор окучивать картошку, а когда спустя час вернулся посмотреть, то увидел, что Павел с Анатолием стоят возле лестницы, курят.

— Покури, хозяин, с нами, — позвал старшой.

— Да ведь я не курю. Долго курил, лет двадцать пять, но однажды набрался смелости и бросил.

— Молоток, — похвалил меня Чебурашка, и мне показалось, что он держится развязно, и голос его, взгляд, улыбка “плавают”.

Старшой тоже показался преображенным: лицо красное, глаза вытаращенные, беспокойная стойка, неестественные движения руки, подносящей сигарету ко рту. Я хотел подойти к работникам и убедиться в том, что они перегрелись на солнце — об этой беде мне сразу подумалось, — но тут Павел бросил окурок на землю, подмигнул, заржал и полез на крышу избы, как на стену неприятельской крепости, быстро, отважно, с воинственным кличем:

— Не бойсь! Прорвемся!

Я сообщил Вере, что работники выглядят какими-то чудноватыми, иными, чем прежде.

— Наверно, перегрелись, — говорю. — Со стопки, что ли, их так на солнце развезло?

— Бедные, — сказала Вера. — Говорила, не надо выпивать... А может, еще добавили?

— Где ж они могли добавить в густом кустарнике? И не отходили далеко, и с собой у них вроде ничего нет.

— Ну! — ответила жена насмешливо. — Это чтобы любители захотели выпить, да не нашли? Давай-ка понаблюдаем. Неловко, но что делать?

Когда в очередной раз смолк перестук молотков, мы пошли и осторожно выглянули из-за угла. Работники снова курили, но озирались по сторонам и о чем-то тихо разговаривали. Потом они радостно глянули в заросли терновника, рванулись с места и, пригнувшись, шмыгнули в кусты. А с противоположного края терновника, со стороны магазина, скрытого под горой, навстречу Павлу и Анатолию попластунски выполз лохматый мужик с бутылкой в руке. Он присел на земле, зубами сорвал с горлышка цинковую крышку, и вся тройка, сплоченная питейным возделением, стала дуть водку из горла, передавая бутылку друг другу, спеша, проливая себе на подбородки. Вера Владимировна не удержалась и вышла из-за дома. Я за ней.

— И не стыдно? — звонко крикнула хозяйка.

Мужики, словно воры от милицейского свистка или рыбки, напуганные тенью рыболова, кинулись врассыпную. Лохматый снова упал на землю и пополз задним ходом.

— Ну-ка, братцы, идите сюда! — позвал я работников.

Павел с Анатолием медленно приблизились и встали перед нами с малиновыми лицами, покачиваясь и конфузливо улыбаясь.

— Какую уже по счету бутылку распиваете? — спросил я.

— Чай, вторую, — ответил Чебурашка.

— Не стыдно? — повторила моя жена. — Я-то думала, вы порядочные люди! Отнеслась к вам с уважением, постаралась и обед для вас приготовить, и хмельного к окончанию работы припасти. А вы мало того, что до времени вытянули из меня по стопке водки, так еще пошли втихомолку пьянствовать! Фу, смотреть на вас противно! Бессовестные! Убирайтесь!

— Извини, хозяйка, — сказал Павел, наклоня голову, пряча глаза. — Как говорится, бес попутал. Вообще-то мы — в порядке. Сейчас доделаем и уйдем.

— Да ты на ногах едва стоишь! Язык заплетается! А собираешься лезть на крышу! Я, конечно, во многом виновата! Поддалась на ваши уговоры! Не знала, что вы горькие пьяницы и не можете удержаться, когда чуть за воротник попадет!

— В порядке мы! — упрямо и враждебно повторил за товарищем Анатолий, во хмелю ставший вдруг неменяемым. — Доделаем, гад буду! Ты, Пашка, теперь внизу работай, а я полезу наверх, как монтажник-высотник!

С сигаретой в зубах он поспешил к лестнице, но с разгона запутался ногой в траве, подвернул ступню и взвыл от боли.

Я кинулся к Чебурашке и поддержал его со словами:

— Ну вот! Достукался! Очень больно, да? Только членовредительства нам не хватало! Пошли в избу, перетянем ногу бинтом. Помогает при ушибах.

— Хрен с ней, с ногой, — сказал он, отталкивая меня. — Не в ноге счастье. Хочу работать на высоте.

И опять, сильно хромя, охая, нацелился к лестнице. Чебурашка полез по ступенькам, так сильно раскачивая лестницу, что она далеко отходила от края крыши, с размаху шлепала по нему и едва не опрокинулась на кусты вместе с работником. Я за штаны стащил его на землю и прогнал, а следом выпроводил Павла. Наутро они вернулись, опухшие, хмурые и молчаливые, быстро приколотили весь рубероид и, получив расчет, ушли.

* * *

Тут, кажется, можно было бы и посмеяться, и есть над чем: в каждой из трех частей моего очерка встречаются забавные положения. Но — не смешно мне, не весело. Конечно, я невольно улыбаюсь, вспоминая этих интересных людей, но скоро печаль и тревога ложатся мне на сердце. Чебурашка-то зимой замерз. К ночи много выпил, побрел куда-то в потемках задворками и увяз в сугробе. А другой местный, тут не названный, во хмелю насмерть подавился закуской. Третий, мне рассказывали, умер от остановки сердца, сидя возле дома на лавке и потягивая из бутылки какой-то вредный напиток. Четвертый утонул. Пятого убили в драке... Гибнут не от старости, а от пьяного самоуничтожения. Ни себя, ни других не жалеют. А ведь какие удивительные характеры! Какие своеобразные личности! И умные все, и способные, хитрые, лукавые, смелые, веселые и забавные. Мастера на все руки, только руки сильнее трясутся, иссыкает в печниках и кровельщиках, встретившихся мне на пути, запас умения и самолюбия, копяты навыки халтуры, жульничества и нахальства... А поля вокруг заросли чертополохом и кустарниками, березками, елочками, сосенками. Уже больше десятка лет не вижу я ни одной пашни в окрестностях деревни, где давно обитае весной, летом и осенью. Местное камнедробильное производство зачахло, скот вырезан. Умирают старики, гниют избы, деревня пустеет и немного оживляется к лету за счет дачников. По мертвеющей веси, по пепелищам бродят ма-

лочисленные сельские мужчины, из тех, что не смогли или не захотели бежать в город. Не знают они, к чему приложить силы, облениваются, дичают. И кажется, что с утра до вечера думают лишь о том, где достать денег на бутылку...

“Постой-ка, — скажет кто-нибудь из вьедливых читателей, — а про себя-то что не говоришь? Судишь людей, но, как сам тут написал, водку им покупаешь и пьешь вместе с ними”. Правильно, я чем лучше? Я тоже подавленный русский человек, и мне не всегда хватает сил сопротивляться уродствам существования и иногда хочется, махнув на все рукой, не просто выпить рюмку с приятелем, а пуститься во все тяжкие. И не сужу я никого, а люблю и жалею, себя же ругаю за слабость духа.